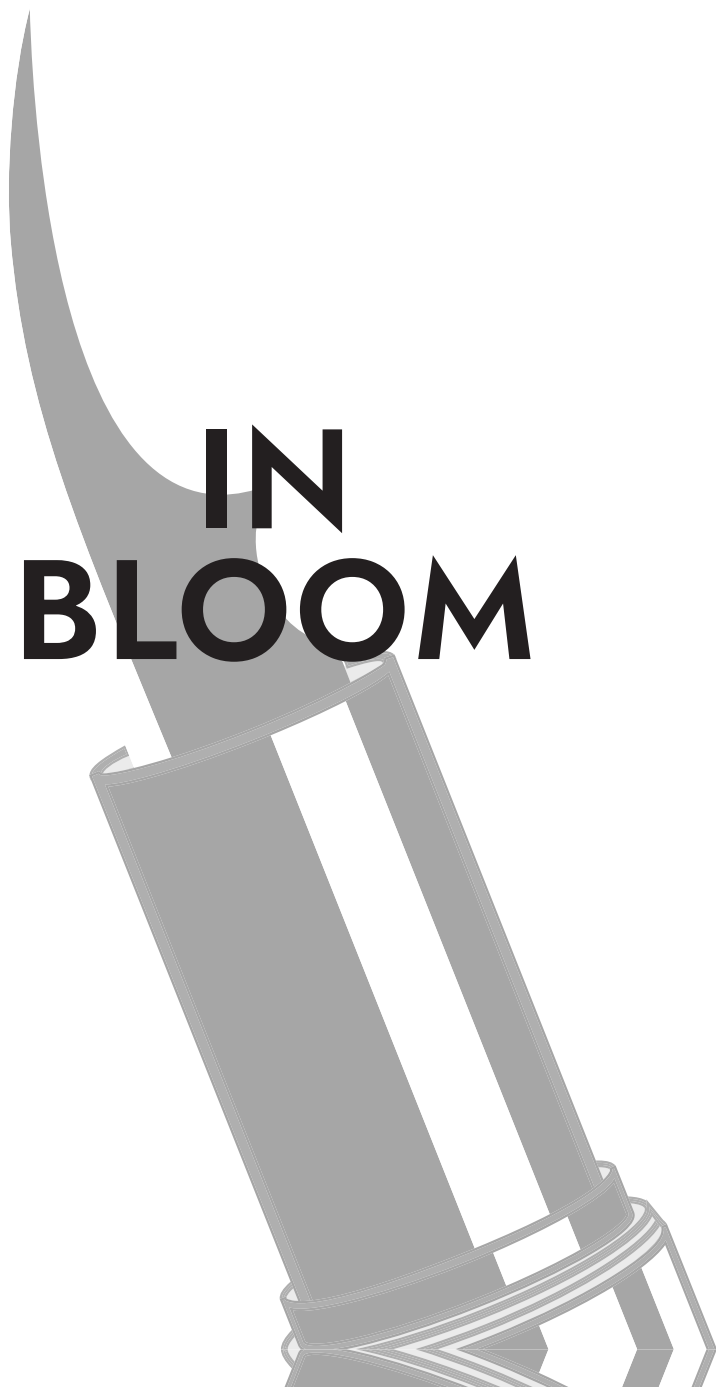

CJ SKUSE

**IN
BLOOM**

**СИ ДЖЕЙ
СКЬЮЗ**

**ДОРОГУША:
РАССВЕТ**

Москва
2026

Посвящается Мэтью Сниду. На таком большом расстоянии ты всегда был мне замечательным двоюродным братом.

Запах душистого горошка столь оскорбителен для мух, что они все до единой покидают помещение, в котором содержится больной, — при этом самому пациенту аромат горошка ничуть не вредит.

Совет из старого фермерского
альманаха 1899 года

Воскресенье, 24 июня
Беременность: 7 недель

ТУК ТУКТУК ТУК ТУК. ТУК. ТУК.

В общем, сижу я вся из себя такая голая на месте преступления, на нервах, на стреме и верхом на трупe. Он с ног до головы в моем ДНК, так что, даже если бы я сейчас перевалила его через балконную ограду и сбросила на ряд припаркованных внизу хетчбэков, меня бы неизбежно вычислили.

ТУК ТУКТУК ТУК ТУК. ТУК. ТУК.

— Господи, ну и громко же стучат эти полицейские. Ладно ладно ладно думай чтоделатьчтоделатьчтоделать?

Тюрьма — это железное «нет». Я смотрела «Оранжевый — хит сезона». Я все это лесбиянство не вынесу. На вид изнуряюще.

ДА ОТКРОЙ ЖЕ ТЫ ЧЕРТ ТЕБЯ ПОБЕРИ!

— Ну ладно, похоже, ничего другого не остается, да?

Я накидываю халат и на цыпочках подхожу к двери спальни. Снова стучат, и я подскакиваю в воздух, наверное, на целый фут.

Мамочка, ты совсем, что ли? Речь ведь не о тебе одной, алё. Обо мне не хочешь подумать? Открой дверь и скажи, что сейчас их принять не можешь.

— Ага, представляю, в каком они будут восторге! «Сержант, простите, вы не сбегаете за парой пончиков, пока я тут быстренько избавляюсь от трупа, с которым спала, а потом — конечно-конечно, заходите в этих ваших резиновых перчатках и ройтесь тут в свое удовольствие»? Ничего не выйдет, ты, Плод-Недомерок.

ТУК ТУК.

Так, слушай, все, их стучание меня окончательно достало, просто иди и открой дверь. Что-нибудь придумаешь.

Признаюсь, я бы вконец растерялась, если бы не этот тоненький голосок, который звучит откуда-то из глубин моей матки и подсказывает, что надо делать. Я прокралась на цыпочках по холодному полу.

ТУК ТУК ТУК.

В голове заматались слова «дерьмо» и «по уши» — и ноль идей, как из этого всего выгребать.

— Черт черт черт черт черт черт черт ЧЕРТ!

Вообще, тупая была идея убивать его здесь. О чем я думала? Наверное, начинается «мамнезия». Лично я теперь все буду валить на нее.

Не вздумай это дерьмо на меня вешать!

Как я, интересно, планировала вытащить австралийского мужика-тинейджера ростом шесть футов из квартиры, проводочь по коридору, спустить на два этажа, потом через всю парковку и уж только потом затолкать в свою крошечную машинку так, чтобы этого не увидел кто-нибудь, кому больше всех надо и у кого нюх на мертвецов?

А надо было меня послушаться и разрезать его на куски!

Хорошо еще, что Эй Джей разлагается медленно: перед тем как уехать на холостяцкий девичник на выходные, я выпустила из него над ванной всю кровь. Это замедляет процесс. Однажды я через складское окно видела, как это делал папа — ну, не один, с товарищами в балаклавах.

Так что я не просто хорошенькая дурочка, ну? *подмигивающий смайлик*

Вот только, как ни крути, сердце бешено колотится, в рту пересохло, и дела обстоят так, как они обстоят. Спасения нет. Стук в дверь прокатывается эхом по квартире еще разок, я набираю побольше воздуха в легкие, подготавливаю лучшее свое лицо из серии «потрясение и печаль» и открываю дверь квартиры.

А это пришла миссис Уиттэкер.

Выдыхаю из легких весь воздух, который успела набрать. Обычно соседка-клептоманка, которая с каждой нашей встречей альягеймерит все сильнее, бесит меня своими непрошеными визитами так, что я из трусов выскакиваю, но сегодня я готова расцеловать ее в усаые губы!

— Здравствуй, Ребекка, — говорит она.

Меня зовут Рианнон, но все вечно зовут меня кто во что горазд. Это началось еще в школе. Даже когда я прославилась, редкий новостник был в состоянии написать мое имя без ошибок. Да я все понимаю: люди тупые. Старуху Уиттэкершу я сегодня прощаю уже хотя бы за то, что на ней нет латексных перчаток и она не размахивает у меня перед носом ордером на обыск.

— Я тут собралась в город за покупками и подумала, может, тебе тоже что-нибудь нужно? Мужик-то твой сейчас в отъезде.

Подразумевается, что сама я, будучи бабой, ни на что не гожусь. Как мило. Она смотрит мне через плечо, глазки, как обычно, бегают по всей комнате: ей явно хочется войти и порыскать тут в поисках *objets d'art*¹, которые плохо лежат.

.....

¹ Предметы искусства (*фр.*). — Здесь и далее, если не указано иное, примечания переводчицы.

— О, вы так добры, миссис Уи, — говорю я и осторожно выглядываю в коридор. Не поднимаются ли уже копы по лестнице? Нет, ничего и никого.

У меня мелькает мысль поручить старушке купить бесшумную электропилу «Дайсон», но я понимаю, что это вызовет слишком много вопросов.

— Да вроде бы у меня все есть, спасибо.

— Когда твой парень возвращается? Он, кажется, во Франции?

— Нет, в Голландии. Поехал смотреть футбол. — Нет времени рассказывать ей во всех подробностях о том, как Крейга там сначала арестовали, а потом предъявили обвинение в трех убийствах, которые на самом деле совершила я, так что я ограничиваюсь коротким: — Отлично проводит время, видел деревянные сабо и все такое.

— Тебе, наверное, так одиноко без него в квартире. Уж я-то знаю — когда мой Джон умер...

Она три минуты нудит на тему того, как долго приходила в себя после смерти мужа, и я вставляю в нужных местах «М-м-м» и «О-ох», а голова тем временем работает как сумасшедшая. Когда она наконец уйдет? Когда явится полиция? Где мне его пилить?

И вот, пока я стою, на поверхности моего клокочущего котелка наконец надувается пузырек идеи.

Ведь миссис Уиттэкер уходит. Ее квартира будет пустовать не один час.

Если удастся перетащить тело Эй Джея вниз, в ее квартиру, *моя* квартира будет готова к приходу полиции. Если это моя спасательная шляпка, то в ней, конечно, куча здоровенных пробоин, но дырявой шляпке в зубы не смотрят, правильно? Так что я берусь за весла.

— Ну что ж, пойду я тогда ловить автобус, — говорит она.

— Ой, вы знаете, вообще-то мне все-таки кое-что нужно, если вы не возражаете, — говорю я. — Сейчас напишу список. Вы пока входите.

А ее хлебом не корми — дай порыться в моих штучках-дрючках.

Я паркую старушку в гостиной, а сама бросаюсь в кухню и нахожу под мойкой бутылку масла для жарки. Срываю пломбу и выливаю содержимое в отверстие раковины. Слышу через стену, как миссис Уиттэкер блуждает по комнате, приговаривая, как у нас тепло из-за того, что полы с подогревом. Толстые каблуки цокают в направлении проигрывателя для пластинок.

— Итак, — говорю я, возвращаясь в гостиную с пустой бутылкой, за которой по полу тянется масляный след.

Соседка копается в коллекции Крейгова винила, вытаскивает *Listen Without Prejudice*¹ и пытается скovyрнуть наклейку магазина HMV, которая там с тех пор, как Крейг купил пластинку. Меня и бутылку она не видит.

— Мне, в общем-то, только масло. Закончилось.

— Рапсовое масло, — читает она, нахмурившись, возвращает Джорджа обратно на полку, берет у меня бутылку и щурится на этикетку. — Где такое продается?

— Там же, где все растительные масла. Если не найдете, ничего страшного...

— О, нет, обязательно найду. Люблю сложные задачи, — говорит она и улыбается во все зубы — я даже опасаюсь, как бы у нее изо рта не выскочил протез. — Я никогда на таком не жарила.

— Оно очень полезное, — говорю я, тайком поглядывая в текст на этикетке. — Насколько я знаю, из всех видов

.....

¹ «Слушайте без предубеждения» (англ.) — альбом британского поп-певца Джорджа Майкла 1990 года.

растительных масел в нем самое низкое количество насыщенных жирных кислот, а еще в нем нет искусственных консервантов, оно приготовлено с заботой о коровах и все такое.

— Звучит чудесно, — снова улыбается старушка, пока я провожаю ее к выходу из квартиры. — Может, и себе тоже возьму. Если на нем картошку жарить, привкуса странного нет?

Она проходит вперед и наконец попадает ногой прямо в мою масляную ловушку...

ШАРАХ

Уиттэкерша обрушивается на пол, как священник-извращенец, увидевший детсадовца, но, к моему превеликому огорчению, головой она не бьется. Я быстренько подключаюсь и поправляю дело вручную: хватаю ее за уши и как следует долблю черепом об пол, чтобы она потеряла ориентацию.

— О-ох! Ох! Ой-ой-ой! Что со мной случилось? Голова! О-о-ой, рука! Где я? — бормочет старушка и машет руками и ногами, как перевернутая черепаха.

— О боже мой, держитесь, все в порядке, — говорю я, набирая телефон службы спасения. — Вы, наверное, поскользнулись. Сейчас уложу вас в безопасное положение...

— Ох, как больно. А-а! Ой! А-а-а-ай!

— Все нормально, больно — это хорошо. Если болит, значит, скоро пройдет.

Уложив ее набок поудобнее (насколько это возможно) и включив фильм, который идет по телевизору, — «Бедовую Джейн», — я отправляюсь в спальню и заворачиваю своего тайного возлюбленного в простыню, на которой он лежит мертвее мертвого. Опускаю его на ковер — раздается глухой удар.

— Что там такое?

— Да я тут уронила кое-что, — говорю я затылку Уиттэкер, волоча у нее за спиной по полу гостиной тело Эй Джея.

Дорис Дэй отплясывает на барной стойке. Ну двинутая, реально.

Уиттэкер пытается на меня оглянуться.

— Детка, мне так больно...

— Ой-ой, ну-ка не шевелитесь, миссис Уи. Скорая уже выехала. С вами все будет в порядке, главное — лежите спокойно. Кто знает, вдруг у вас перелом, м-м... примулы.

Не смогла вспомнить название кости. Чертова мамнезия.

Перестань все валить на меня. Ты сама эту кашу заварила!

Взмокшая, как свиная котлета, я вытаскиваю этот человеческий фахитас за дверь, волочу его вниз, к квартире миссис Уиттэкер, и едва успеваю затолкать внутрь, как в коридоре раздается торопливое шлепанье ботинок. Поднимаю голову и вижу, как в мою сторону несется с распростертыми объятиями Джонатан Джеррамс.

— Рианнон! — вопит он и врезается в меня на полном ходу.

Вслед за ним подтягиваются старики, мистер и миссис Джеррамсы, и рассыпаются в извинениях.

Джонатан сам себя назначил моим «самым лучшим другом в мире» — из-за услуги, которую я ему оказала два с лишним года назад. Спасла ему жизнь. Ну, типа. У нас тут раньше рядом с домом болтался какой-то тип без определенного места жительства, обзывал жильцов, опрокидывал мусорные баки, воровал велосипеды. Чтобы нагонять на людей страх, он носил свинячью маску — я прозвала его за это Ноториус Хряк. Ну и, в общем, Джонатана этот Хряк доставал просто безбожно, потому что у Джонатана синдром Дауна и из него можно легко вытряхивать деньги. Однажды, когда Джонатан возвращался после кормления уток (одно из немногочисленных самостоятельных путешествий, которые ему позволяют родители), Хряк

швырнул ему в голову яблочный огрызок — и случилось это у меня на глазах.

А у меня такое правило: защищать беззащитных. Так что, собственно, и выбора-то у меня никакого не было.

Сразу после полета огрызка я подошла к Хряку, содрала с его лица маску и заорала: «Если ты не исчезнешь, я явлюсь к тебе под покровом ночи и отрежу к чертовой матери твое настоящее лицо!» Ну там в глаз ему плюнула, все как полагается. И тарашилась на него до тех пор, пока он не отвел взгляд, сел на свой велосипед и укатил прочь, хохоча, — как будто ему плевать. Но ясно ведь было, что ему совсем не плевать. Мы его с тех пор больше никогда рядом с нашим домом не видели.

Джонатан после этого случая без конца оставлял у меня под дверью подарки, присылал всякие открытки и цветы, но потом Крейг меня приревновал и попросил соседа с этим кончать. Теперь он просто крепко меня обнимает и выкрикивает через парковку признания в любви.

— А мы в зоопарк идем, да, в зоопарк! — говорит Джонатан и раскачивается в такт мелодии, которую слышит только он один, штанины его брюк трепещут на сквозняке.

— Здорово, — отзываюсь я, утирая пот с лица рукавом халата.

— Я люблю зверей, да, люблю!

— Ага, я тоже. Они классные, скажи?

Супруги Джеррамсы вдруг смеются безо всякого повода.

Джонатан тыкает в дверь Уиттэкерши своими неловкими пальцами.

— Что там?

— Я поливаю цветы миссис Уиттэкер. Она попала в больницу.

— О боже, — отвечает миссис Дж. — Что с ней случилось?

— Упала.